

Му Е почувствовал, как на душе стало тоскливо, а Ду Шумяо решил, что просто напугал его. Му Е всегда отличался от обычных людей, и если даже Ду Учэнь не решался открыто говорить о своих чувствах, то что уж говорить о Ду Шумяо.

Му Е испытывал противоречивые чувства. С чего бы это Ду Шумяо вдруг стал так услужливо ухаживать за кем-то? Другое дело Ду Учэнь — тот готов был контролировать каждый шаг, вплоть до того, какую пижаму или нижнее белье надеть Му Е.

Ду Шумяо заметно нервничал, но, привыкший к властному тону, он не знал, как нужно утешать, и лишь неловко позвал:

— Ма... Малыш Му.

Му Е поднял голову и внезапно спросил:

— Брат, с тобой... что-то не так? Почему ты ведешь себя странно?

Му Е хотел попросить Ду Шумяо не любить его и не поддаваться ограничениям сюжета, но понимал, что это невозможно. Скажи он такое, его сочли бы психически больным, несущим бред.

Ду Шумяо кое-как взял себя в руки, но во время съемок перестал себя сдерживать. Ирония в том, что режиссер лишь хвалил его:

— Не зря он кинозвезда, такая актерская игра — просто нет слов!

Еще во время съемок Му Е почувствовал, что Семья Пэй перешла к действиям. Ду Шумяо, находясь на площадке, обеспечил себе идеальное «алиби». Он заранее расставил ловушки, и теперь ему не нужно было вмешиваться — достаточно было отдать приказ.

Ду Учэнь, как и прежде, каждый вечер звонил Му Е, ведя себя совершенно обычно. Му Е знал: за неделю Ду Учэнь понес немалые убытки. Подпольные силы Семьи Пэй столкнулись с партией товара, которую Семья Ду не успела «отмыть», а враги, мечтавшие прижать их к ногтю, только подливали масла в огонь. Положение Ду Учэня было незавидным.

Главная героиня Линь Цзыцзы тоже участвовала в этом деле. Она намеревалась, скрывая это от Ду Шумяо, выманить Му Е со съемочной площадки, подальше от защиты Ду Шумяо, чтобы похитить его.

Му Е не волновался за свою безопасность, но за Ду Учэня переживал всем сердцем.

— Хозяин может считать мысли Ду Учэня и увидеть, как он справляется с этим кризисом, — подсказала Система.

Глаза Му Е блеснули, и он тут же начал считывать данные.

Изначально Му Е не знал, что такое любовь. В мире, где он впервые «заболел», он был униженным слугой, чья жизнь вращалась вокруг театра, а характер был забит и робок. В ту эпоху бесконечных войн актеры считались лишь красивыми вазами, послушными игрушками. Кто стал бы искренне заботиться о Му Е? Получить от кого-то добрую улыбку было величайшей редкостью.

Проникнув в сознание Ду Учэня, Му Е ощутил легендарную «любовь». Это был эмоциональный мед, способный опьянить сердце. Он наполнял пустое тело жизнью, придавал смысл каждому удару сердца. Это чувство всепоглощающей волной окутало Му Е, потрясая его и заставляя искать близости.

Значит, вот что такое любовь? Му Е осторожно блуждал в мыслях Ду Учэня, ища нужные ответы. Ранее он уже пробовал читать мысли Ду Шумяо и ощущал нечто похожее. Однако, в отличие от Ду Учэня, в чувствах Ду Шумяо сквозили сомнения, уклонение, досада и сожаление. Внутренний мир Ду Шумяо был полон борьбы, тогда как Ду Учэнь был открыт и прямодушен. Сравнивая их, Му Е больше тянулся к Ду Учэню.

— Система, любовь между мужчинами ничем не отличается от любви между мужчиной и женщиной. Почему же в этом мире так враждебно относятся к первому? — недоумевал Му Е. Он получил доступ к огромному объему знаний в этом мире и мог найти множество ответов: одни ссылались на древнюю гармонию инь и ян, другие — на стабильность социальной структуры, третьи — на неприятие чужаков.

Система промолчала; возможно, этот вопрос поставил в тупик и её. Му Е пересмотрел все планы в голове Ду Учэня и лишь тогда отступил.

— Хозяин, это не зависит от мира. Важно лишь ваше желание, — внезапно ответила Система.

Му Е не хотел забивать голову сложными материями, ему было достаточно знать, что Ду Учэнь выберется из этой передраги. А что касается Линь Цзыцзы, которая собиралась нанести удар из-под тишка, Му Е решил: похолодало, пора бы Ореолу главной героини исчезнуть.

Роль Му Е была невелика: в Великой Династии его персонаж, Ди Сюаньсы, появлялся лишь в юности.

Ди Сюаньсы, вопреки протестам двора, настоял на назначении мужчины-императрицы. Канцлер Хоу поначалу клялся умереть, но в конце концов согласился отдать своего сына. Все думали, что у Канцлера Хоу не было иного выхода, но на самом деле он пригласил сына в кабинет, чтобы разработать план обмана императора.

Му Е, играя Хоу Ляна, стоял на коленях перед столом, распущенные волосы скрывали лицо, оставляя видимым лишь изящный подбородок.

Канцлер Хоу поглаживал бороду, сохраняя строгое и чопорное выражение лица, но руки, спрятанные за спиной, слегка дрожали:

— Лян-эр, ты запомнил слова отца? Это касается судеб нашей империи, позволь нам, отцу и сыну из Семьи Хоу, искупить кровью свою преданность правящему роду!

Хоу Лян поднял голову и посмотрел на отца; в его глазах стояли слезы. Он начал кланяться — снова и снова. Канцлер Хоу оставался бесстрастным, не желая отступать. Каждый раз, когда Хоу Лян поднимался, в его взгляде появлялось все больше отчаяния.

Камера приблизилась, фиксируя каждое изменение в глазах Му Е. Режиссер затаил дыхание, чувствуя, что нашел сокровище, пусть даже это сокровище вряд ли задержится в киноиндустрии.

Хоу Лян разбил лоб в кровь, но так и не добился согласия. Канцлер Хоу в ярости ударил по столу:

— Что ты творишь?! Я уже согласился на твой союз с Его Величеством, но как только убедишь его заняться государственными делами — покончи с собой. Что в этом плохого? Ты полюбил мужчину и осквернил имя знатного рода, только так можно спасти твою репутацию и честь Семьи Хоу.

Хоу Лян лишь продолжал кланяться, проявляя упрямство, пока разъяренный Канцлер Хоу не выскочил из комнаты. А ночью Ди Сюаньсы, узнав о случившемся, ворвался в поместье Канцлера и вынес оттуда потерявшего сознание Хоу Ляна.

Придя в себя, Хоу Лян согласился на брак, и далее следовали сцены пышной свадьбы.

Му Е отыгрывал все сцены с первого дубля, не доставляя никаких хлопот. А вот Ду Шумяо несколько раз ошибался в сцене первой брачной ночи. Впрочем, никто не придал этому значения, решив, что господин Ду впервые играет такие сцены с женщиной и чувствует себя неловко.

Во время перерыва Ду Шумяо кормил Му Е фруктами. Костюм Му Е был гораздо сложнее, чем у Ду Шумяо, и двигаться в нем было трудно, поэтому Ду Шумяо взял на себя обязанности помощника.

Му Е немного дулся: Ду Шумяо обещал помириться, но нарушил слово. Он отвечал Ду Шумяо вяло, без прежнего энтузиазма.

У Му Е были свои планы: если он поглотит главных героев, мир рухнет. Но если поглотить только героиню, оставив Ду Шумяо, мир сможет саморегулироваться. Разве тогда Му Е не сможет дольше оставаться с Ду Учэнем?

В холодном голосе Системы послышались нотки нежности:

— Хозяин считает, что Ду Шумяо не тронет его, потому что любит. Если вы поглотите их обоих, то после нескольких миров сможете сами поддерживать стабильность реальности. Если пожелаете, то сможете даже создавать свои миры.

Му Е, чьи мысли были раскрыты, тут же покраснел до корней волос. Впервые столкнувшись с тем, что его любят, он не мог не смягчиться.

Ду Шумяо поднес кусочек фрукта к губам Му Е, случайно коснувшись его мочки уха, которая была горячей. Увидев, что Му Е покраснел, Ду Шумяо решил, что тот просто смущается, а не охладил к нему.

Что же за ловушку расставил Ду Шумяо? Все просто: он слил информацию о той самой «неотмытой» партии товара Ду Учэня, чтобы приманить Пэй Мина. Когда Пэй Мин и Ду Учэнь схлестнутся, Ду Шумяо и Семья Пэй нанесут удар по изолированному Ду Учэню. Как только власть в Семье Ду сменится, Семья Пэй вызовет полицию и бросит Пэй Мина на произвол судьбы.

Это была классическая борьба бекаса и устрицы, где выигрывает рыбак. Бекас и устрица — это Ду Учэнь и Пэй Мин, а рыбаки — Ду Шумяо и «праведная» Семья Пэй.

Ду Шумяо не хотел убивать Ду Учэня, он лишь хотел сместить его с поста главы Семьи Ду, чтобы лишить возможности забрать Му Е.

Му Е оставался спокойным, пока снаружи бушевала буря. Он поручил Системе следить за развитием событий, а сам сосредоточился на съемках. В нем проснулся интерес к актерскому мастерству: будь то актер театра или кино, это всегда способ выражения искусства.

Вскоре подошел черед финальных сцен Ди Сюаньсы и Хоу Ляна. Ди Сюаньсы, желая обелить имя возлюбленного и позволить ему ходить с гордо поднятой головой, начал усердно трудиться на благо страны.

Ди Сюаньсы — дерзкий и коварный. Хоу Лян — упрямый и добрый.

Режиссер намеренно использовал прием, при котором после свадьбы повествование велось исключительно от лица Ди Сюаньсы, ни разу не упоминая внутренний мир Хоу Ляна. Это было сделано, чтобы подчеркнуть достижения императора и показать его любовь.

Лишь в самом конце, когда Хоу Лян перерезал себе горло, зрители поняли, что такой подход был заложен в сценарий с самого начала. Все были потрясены, обнаружив, что каждая деталь в описании Ди Сюаньсы — взгляд или слово — предвещала перемены в Хоу Ляне. От борьбы до покорности — Хоу Лян действительно полюбил Ди Сюаньсы и был готов отдать за него жизнь.

Именно поэтому режиссер не стал раскрывать, согласился ли Хоу Лян с отцом. Зрители, глядя на экран, верили, что император и его супруг будут вместе до старости, и завидовали такой любви. Но, оглядываясь назад, понимали: каждое движение было наполнено истинным чувством, а каждая улыбка — безысходностью. Хоу Лян любил Ди Сюаньсы еще сильнее. Он видел дальше, и с того самого момента, как его сердце дрогнуло, предсказание отца стало его судьбой.

Такой сюжет требовал от Му Е полной отдачи, и он не разочаровал режиссера. В последней сцене, когда Ду Шумяо обнял его, его глаза покраснели, и он не мог сдержать слез.

В кадре Ду Шумяо поцеловал Му Е в лоб и, глотая слезы, прошептал:

— Ты все время лгал мне. С самого дня свадьбы ты лгал. Почему ты не мог лгать до самого конца?

Хоу Лян, которого играл Му Е, был смертельно слаб. Изо рта сочилась кровь, а в груди торчал меч. Не в силах говорить, он лишь смотрел на Ди Сюаньсы, а затем медленно закрыл глаза.

Ди Сюаньсы охватила паника. Он погладил лицо Хоу Ляна:

— Очнись! Я буду послушным. Я больше не буду злить тебя, не буду дразнить тех министров. Я буду рано вставать на аудиенции, изучать твой путь правителя. Очнись! Иначе я перебыю здесь всех, умоляю, очнись! Ты...

Тело в его руках остывало и бледнело. Ди Сюаньсы, не замечая этого, бормотал что-то, вспоминая их путь от первой встречи до свадьбы. Кровь Хоу Ляна испачкала их одежды, а нефритовый кулон, символ их любви, звенел при каждом движении Ди Сюаньсы.

— Снято! — крикнул режиссер, заставив всех вздрогнуть. Сотрудники украдкой вытирали слезы. Ду Шумяо не сдвинулся ни на дюйм, продолжая крепко обнимать Му Е. Му Е открыл глаза и увидел, что глаза Ду Шумяо покраснели, а в них застыла невыносимая боль.

Ду Шумяо уткнулся лицом в шею Му Е, и в его голосе послышался страх:

— Малыш Му, не уходи от брата, хорошо?

Му Е похлопал его по плечу, пытаясь успокоить, но Ду Шумяо лишь сильнее прижал его к себе. Окружающие переглянулись: что с ним? Почему он не идет отдыхать? Неужели не может выйти из роли?

Режиссер забеспокоился: если актер не выйдет из образа, это помешает съемкам. Может, лучше дать господину Ду пару дней на отдых?

Му Е ерзал в руках Ду Шумяо, как перевернутая черепашка. В конце концов, режиссер подошел и помог ему выбраться. Ду Шумяо, взяв себя в руки, извинился:

— Прошу прощения, слишком глубоко вошел в роль.

Режиссер рассмеялся:

— Это хорошо! Благодаря этому сцена получилась такой искренней. Отдохни пару дней, восстановись, а потом вернемся к работе.

Ду Шумяо немного помолчал, а затем согласился. Ему нужно было разобраться с делами Ду Учэня — до него дошли слухи, что там возникли непредвиденные проблемы.

Сцена смерти стала последней для Му Е, и он получил от съемочной группы большой красный конверт. Чтобы отпраздновать завершение съемок, Ду Шумяо устроил банкет в отеле, принадлежащем Семье Ду.

Му Е не пил, и никто не стал настаивать. Вскоре наступила очередь сцен Линь Цзыцзы, поэтому она задержалась на площадке. Сейчас она улыбалась с мягким видом:

— Му Е так здорово сыграл, такая искренность с господином Ду, просто завидно. Впрочем, неудивительно: Малыш Му — любимый младший брат господина Ду, сокровище Семьи Ду, которого он лелеет как зеницу ока.

За столом воцарилась тишина. Лишь героиня продолжала улыбаться. Всех тут же кольнули слухи о том, что Му Е когда-то содержали оба брата Ду. Не успели люди переварить это, как Ду Шумяо насмешливо бросил:

— У нас с Малышом Му чувства искренние. А ты, когда играешь, не вкладываешь душу? Тогда тебе не место в Великой Династии.

Все знали, как высоко Ду Шумяо ценит актерскую игру — именно поэтому он приложил столько сил для съемок. Режиссер рассмеялся, понимая, что Ду Шумяо разозлился из-за намек на их отношения с Му Е:

— Цзыцзы перебрала с алкоголем и отпустила глупую шутку. Цзыцзы, ты поступила некрасиво, извинись перед господином Ду.

Линь Цзыцзы встала, изображая растерянность:

— Я прошу прощения у Му Е. Прости, Малыш Му. Я выпила лишнего и наговорила глупостей. Сейчас я искуплю вину тремя чарками.

Она начала пить, делая вид, что ей очень тяжело. Видя, как некоторые сотрудники смотрят на нее с жалостью, режиссер выругался про себя. Хотя здесь и были молодые актеры, но все они были прожженными людьми. Обмануть персонал можно, но не коллег, особенно таких, как Ду Шумяо.

Му Е понял, что героиня включила режим «белой лотос-невинности», а взглянув на Ду Шумяо,

увидел, что в его глазах не осталось ни капли тепла.

Му Е почесал затылок и пробормотал:

— Не пей больше, голова заболит.

Режиссер ударил себя по лбу: этот малыш даже не понял, что его пытаются подставить.

— Линь Цзыцзы, что это значит? Кто заставлял тебя пить? Так трудно просто извиниться? Или тебе гордость не позволяет? К чему этот спектакль?

Слова режиссера заставили окружающих одуматься: действительно, режиссер велел извиниться перед Ду Шумяо, причем тут Му Е? К тому же это Линь Цзыцзы начала провокацию. Режиссер дал ей шанс, а она сама усугубила ситуацию.

Му Е перевел взгляд на помощника Линь Цзыцзы. Там что-то было. Пальцы Му Е едва заметно шевельнулись, и все услышали звук падения.

У помощника выпал телефон. Тот бросился его поднять, но Ду Шумяо, сидевший рядом с Му Е, нахмурился. Его человек тут же перехватил телефон. Помощник испуганно закричал:

— Что вы делаете?! Отдайте...

Режиссер тоже занервничал:

— Господин Ду, это...

Ду Шумяо поднес телефон к глазам. Му Е, глядя на экран, незаметно использовал навык разблокировки. Ду Шумяо нажал на кнопку, и из динамиков полился голос:

— Я прошу прощения у Му Е... я выпила лишнего...

На экране было видео, где Линь Цзыцзы изображала жертву.

Режиссер больше не мог замять инцидент. У всех в головах пронеслись догадки. Если это видео попадет в сеть, на Му Е выльют ушаты грязи. Кто-то вспомнил недавний скандал с утечкой видео, где Линь Цзыцзы играла Хоу Ляна. Взгляды, брошенные на нее, стали многозначительными.

Му Е соображал медленнее: без чтения мыслей ему было трудно уследить за всеми интригами.

Линь Цзыцзы была в ужасе, впиваясь ногтями в ладони. Этот помощник — никчемный идиот!

Ее вежливо выпроводили из зала, но телефон остался у Ду Шумяо. В нем хранились и другие «грехи» Линь Цзыцзы. Едва выйдя за дверь, она влепила помощнику пощечину:

— Смотри, что натворил! Если найдут то, что в телефоне, мне конец!

Помощник прикрыл лицо:

— Успокойтесь, если мы продолжим скандал, придут папарацци...

Героиня глубоко вздохнула:

— Прости, я погорячилась.

В ее глазах читалось подозрение — она начала сомневаться, не предал ли ее собственный помощник.

Теперь, когда их махинация вскрылась, Ду Шумяо не оставит это просто так, и покровитель Линь Цзыцзы не сможет ее защитить. Даже если она выживет, роли в Великой Династии ей не видать.

Нет, нужно что-то придумать, обязательно должен быть выход. Линь Цзыцзы вспомнила звонок от Семьи Пэй.

После того как Линь Цзыцзы ушла, атмосфера стала напряженной. Банкет закончился неловко. Ду Шумяо тихо прошептал Му Е:

— В следующий раз я устрою для тебя праздник еще лучше.

Му Е покачал головой и нырнул в лифт, широко открыв глаза:

— Я спать хочу.

Ду Шумяо действительно старался — из-за ответных ударов Ду Учэня его телефон, должно быть, разрывался от звонков, а он все равно нашел время устроить праздник для Му Е.

Ду Шумяо ущипнул Му Е за мочку уха и поднялся с ним на нужный этаж. Как только Му Е принял душ и лег в кровать, Ду Шумяо поспешно ушел.

Му Е открыл глаза и пробормотал:

— Ду Шумяо так спешил, что забыл, что я должен позвонить Ду Учэню перед сном.

В холодном голосе Системы проскользнули нотки нежности:

— Героиня приближается, Хозяин, будьте осторожны.

<http://bllate.org/book/21570/2221244>